Л. Кузьмин

Я да ты

Я — Ерошка,
Ты — Ерошка,
Я — в лаптях,
А ты — в сапожках!

Погулять
Выходим разом,
Я — с гармонью,
Ты — с приплясом,
Мне за музыку —
Пятак!
Ну а ты —
Хорош и так!

В НОМЕРЕ:



Рассказ Саши ЧЁРНОГО о гимназистах и их проказах.



Стихи из старинных детских журналов.



Новое стихотворение Сергея МИХАЛКОВА.





САМОЕ СТРАШНОЕ

Саша ЧЁРНЫЙ

Конечно, «страшное» разное бывает. Акула за тобой в море погонится, еле успеешь доплыть до лодки, через борт плюхнуться... Или пойдёшь в погреб за углём, уронишь совок в ящик, наклонишься за ним, а тебя крыса за палец цапнет. Благодарю покорно!

Самое страшное, что со мной в жизни случилось, даже и страшным назвать трудно. Стряслось это среди бела дня, вокруг янтарный иней на кустах пушился, люди улыбались, ни акул, ни крыс не было... Однако до сих пор — а уж не такой я и трус — чуть вспомню — по спине ртутная змейка побежит. Ужаснёшься... и улыбнёшься. Рассказать?

Был я тогда «приготовишкой», маленьким стриженым человеком. До сих пор карточка в столе цела — глаза черносливками, лицо серьёзное, словно у обиженной девочки, мундирчик, как на карлике, морщится... Учился в белоцерковской гимназии. Кто же Белую Церковь не помнит:

Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет...

Рядом с мужской гимназией помещалась женская. У мальчиков двор был для игр и прогулок, у девочек — сад. А между ними китайская стена, чтобы друг другу не мешали.

Помню, перед самыми рождественскими каникулами холод был детский: градусов всего пять-шесть. Выпустили нас, гимназистов, и верзил и маленьких, на большой перемене во двор проветриться. В пальто, конечно, чтобы инфлюэнцы не схватить (тогда грипп инфлюэнцой называли).

Характер был у меня особенный. У маленьких собачонок нередко такая склонность замечается: ни за что с маленькими собаками играть не хотят, все за большими гоняются... Так и я. Крепость ли снежную шестой-седьмой классы в лоб берут, либо в лапту играют — я всё с ними. Визжать помогаю, мяч подаю, дела немало. Привыкли они ко мне, прочь не гнали. И прозвали Колобком, потому что голова у меня была круглая и шинель очень толстая, стёганая, вроде подушечки для втыкания булавок.

Увязался я и на этот раз за взрослыми. Мяч под небеса, я наперерез за мячом. Ловить, само собой, остерегаюсь — литой чёрный мяч руки обожжёт. А так, если мимо всех рук хлопнется, летишь за ним чёртом, галоши на ходу взлетают,— и уж позиция была любимая, перед тем, как по мячу шестиклассник лопаткой ударит, его подручный мяч кверху подбрасывает. А ты за них волнуешься и на кривых ножницах, словно паяц на нитке, дёргаешься.

И вот, на мою беду, ребром по мячу попало, полетел он низко над головами косой галкой прямо в женский сад за стенку. Стенка ростом в полтора Созонта Яковлевича (надзиратель у нас такой был, вроде складной лестницы). Что делать?

На своё горе, я сгоряча и вызвался. Приготовишки очень ведь к героическим поступкам склонны, во сне на тигра один на один с перочинным ножом ходят... А взрослые балбесы обрадовались. Подхватили меня под руки и, как самовар станционный, к стене поволокли. Один стал внизу, руками и головой в стену упёрся, дру-

гой на него — вроде римской осадной колонны.

Подхватили меня, под некоторое место хлопнули — ух! — взлетел я на стенку, на руках по ту сторону повис... Снег мягкий, шинель толстая — ничего! И полетел вниз в полной беспечности лёгким пёрышком на ватной подкладке.

Вылез я из сугроба, снегу наелся, по спине порция мороженого потекла. Руки и ноги целы. По полам себя хлопаю, снег отряхиваю, глаз не подымаю — некогда.

И вдруг из-за всех кустов, словно стадо поросят кипятком ошпарили, визг невообразимый... Справа девочки, слева девочки, сзади девочки... Тысячи девочек, миллионы девочек... Маленькие, средние, большие, самые большие.

А впереди краснощёкая, толстая, ватрушка воинственная в капоре, надсаживается — кричит:

— Идите все сюда! Мальчик к нам в сад свалился!

Съёжился я, как мышь в мышеловке. Стена за спиной до неба выросла. Предателей моих не видно, не слышно... Где моя любимая мужская гимназия? Куда удирать? Как я из этого осиного гнезда выберусь?! Снег на моём затылке горячий-горячий стал. В ушах сердце, как паровая молотилка, бьётся.

А девочки по всем правилам осады круг сомкнули, смолкли и смотрят. Синие глаза, серые глаза, карие глаза, голубые глаза — острые, ехидные по всей моей восьмилетней душе ползают... Колют, жалят, в один пёстрый глаз сливаются. Они, девочки, храбрые, когда мальчик один!

И всё ближе и ближе... Это тебе не тигр во сне. Не акула в море. Не крыса в погребе.

Тысяча губ раскрываются, перешёптываются: шу-шу, шу-шу... Язычки, как жала, высовываются. И вдруг одна фыркнула, другая захлебнулась, третья по коленкам себя хлопнула, и как прыснут все, как покатятся... Воробьи с кустов так и брызнули. А я посредине — один, как мученик на костре.

Стянули они круг теснее. Ещё теснее. Когда к дикарям в плен попадёшь, всегда ведь так бывает: прежде чем пленника поджарить, отдают его женщинам — помучить... Господи, до чего мне страшно было! Может быть, они меня подбрасывать станут? Или защекочут, как русалки? Каждая в отдельности ничего, но когда их тысячи — мышей, например,— что они с епископом Гаттоном сделали?!

Но они ничего. Только ещё ближе подобрались. Одна постарше наклонилась, фуражку мою подняла, боком на меня надела. Другая со щеки у меня снежок смахнула. Третья по голове погладила... Какая-то ехидна подскочила, еловую лапу над головой дёрнула — всего меня снегом обкатила. Начинается!

Стою я пунцовый. И со страху в ярость приходить начинаю. Мускулы под шинелью натянул. Как сталь! Что ж, думаю... погибать, так с треском! Сто девочек на левую руку, сто на правую! Брыкаться-кусаться буду... И не выдержал, в позу стал и головой слегка вперёд боднул.

А они опять как зальются. Словно весь сад битым стеклом посыпали.

И первая, ватрушка воинственная, вдруг сбоку нацелилась и рукой меня за нос... Чайник я ей с ручкой, что ли?! Обидно мне стало ужасно... Посмотрел вверх на гимназическую стену, фуражку козырьком на своё место передвинул и издал пронзительный крик:

— Шестой и седьмой классы! На помощь! Девчонки меня му-ча-ют!!!

Да разве их перекричишь... Такой смех поднялся, такой визг, такое улюлюканье, словно в аду, когда, помните, гоголевский запорожец с ведьмой в «дурачка» играл... Так бы я, быть может, и погиб...

Но, на моё счастье, вижу издали, словно облако, седая дама плывёт — в серой шубке, на голове серебристая парчовая шапочка. Подошла. Девчон-



ки все сразу ангелами, божьими коровками стали. Расступились, шубки оправили... От реверансов снег задымился...

А я, маленький, врос в снежную грядку, стою посредине и дышу, как загнанный олень.

Посмотрела на меня дама в очки с ручкой, которые у неё на шее висели, мягко улыбнулась и спрашивает:

— Вы как сюда, дружок, попали?

Представьте себе — тишина кругом, словно на Северном полюсе. Все смотрят, ждут, что я отвечать буду, а я совсем начисто с перепугу забыл, зачем я в сад свалился. Будто я и не приготовишка, а «Капитанская дочка», и сама Екатерина Великая со мной разговаривает. И уши до того горят, что и сказать невозможно...

Взяла меня седая дама пальцем под подбородок, подняла мою замороченную голову и опять спрашивает:

— Как вас зовут?

Ну это я кое-как, слава Богу, вспомнил. Но от робости ни с того ни с сего шепелявить стал:

— Шаша.

Опять вокруг ехидные девочки захихикали. Не громко, конечно, но всё равно же обидно.

Дама на них строго оглянулась. Точно холодным ветром смешок сдуло. Только за спиной тихо-тихо (слух у приготовишки острый) шипение слышу.

А даме, конечно, любопытно. Не аист же меня в женскую гимназию принёс.

— Как же вы, Саша, всё-таки в сад к нам попали?

И вдруг над стенкой шестиклассная голова в фуражке появляется и басит:

— Извините, пожалуйста, Анна Ивановна! Мяч у нас через стенку перелетел. Мы гимназистика этого в сад и перебросили.

Но дама его, как классный наставник, очень строго на место поставила:

— Стыдитесь! Большие маленького подвели. Да и где он тут в снегах-сугробах мяч ваш найдёт?

— Да он сам вызвался.

— Не возражать. Сейчас же пришлите кого-нибудь к нашей парадной двери, чтобы его в класс отвели. Слышите?

И шестиклассная голова сконфуженно нырнула за стенку.

— Вам тоже стыдно, мадам! Разве так можно? Точно зайца на охоте обступили... Слава Богу, не все же здесь маленькие. Могли бы и умней поступить.

Тут уж девчонкина очередь пришла: покраснели многие, как клюковки. А одна гимназисточка, ростом с меня, тихонько мне руку сочувственно пожала.

Довела меня седая дама сама до калитки. Руку на плечо положила. Сразу мне легче стало...

Расшаркаться я даже не догадался, побежал к парадным дверям — да и время было,— колокольчик во всю глотку заливался... Кончилась, значит, большая перемена — кончились и мои мучения.

На ёлку в женскую гимназию, как ни уговаривала меня няня, я не пошёл.

— Почему?

— Не пойду.

— Да почему же?

— Не пойду, не пойду!

Няня только головой покачала:

— Фу, козёл упрямый... Уж попомни мои слова, сошлют тебя когда-нибудь в Симбирск.

Няня наша в географии плохо разбиралась, и что Сибирь, что Симбирск — для неё было всё едино.

Так я дома и остался. А поздно-поздно старшая сестра-гимназистка с ёлки вернулась, целый ворох игрушек мне на постель вывалила.

И сказала таинственно:

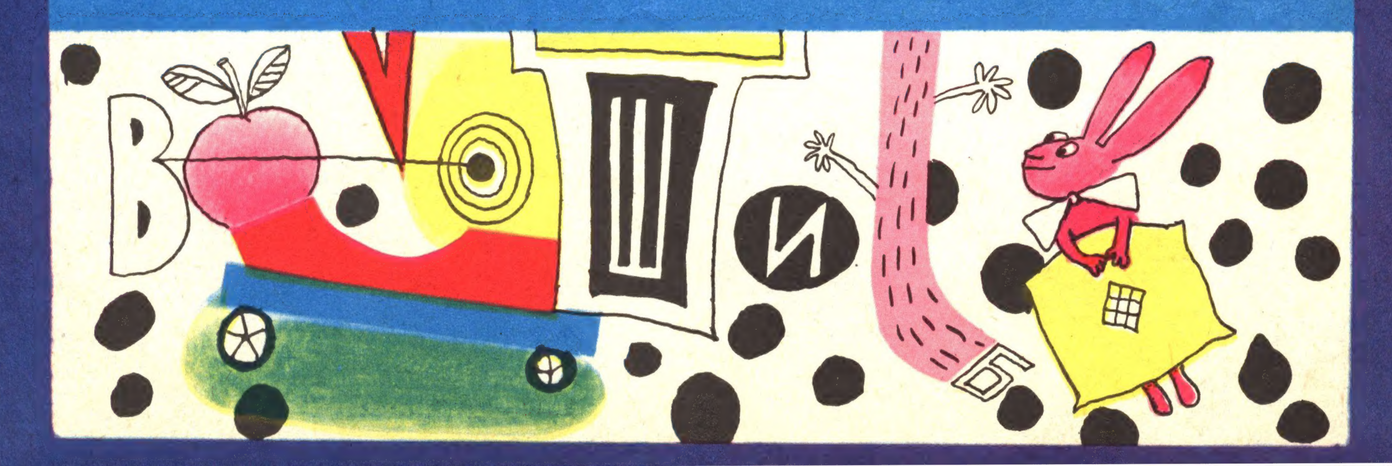
— Они очень раскаиваются. Очень жалели, что ты, козявка, не пришёл, и прислали тебе с ёлки подарки.

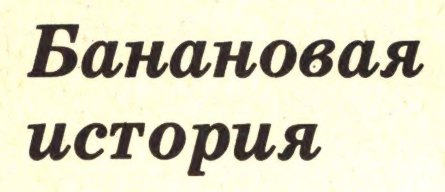
А я головой в подушку зарылся и в ответ только голой пяткой брыкнул.

Рис. Н. РОДИОНОВА

СКОЛЬКО БУКВ СПРЯТАНО В ЭТОЙ КАРТИНКЕ







Банановая история

В. ЛИНЬКОВА

Случилось,
случилось,
случилось!
Случилось такое однажды —
Банан на дороге вырос
С дом десятиэтажный!
Случилось,
случилось,
случилось —
Горит кожура золотая!
Сто тысяч машин закружилось,
Огромный банан объезжая.
Родители очень сердились,
Водители очень сердились,
И пять светофоров сердилось:
— Зачем, скажите на милость,
Банан на дороге вырос? —
А детвора веселилась.
Бежала скорей со двора:
— Ба-нан на до-ро-ге вы-рос!
Всем хватит банана, ура! —
Гнездо на банане свили
И долго в гнезде том жили,
И долго в гнезде сидели,
Пока весь банан не съели.
— Ура! — закричали родители.
— Ура! — закричали водители.
— Не стало банана, ура! —
Не верите, так посмотрите —
Лежит на дорожном покрытии
Банановая кожура!

Рис. А. СОКОЛОВА



Вторая пятница — Кот в сапогах

В этот день обычно проводится конкурс на лучшие сапожки для котёнка. Сапоги можно сшить, связать или просто из чего-нибудь смастерить. Главное, чтобы ваш котёнок в этих сапогах легко и непринуждённо прошёлся перед членами жюри.

Победителю торжественно вручается кусочек чего-нибудь вкусного, почётная грамота и коробка для сапог.



Первая суббота — Робинзон КРУЗО

В этот день все, как правило, отправляются на необитаемый остров. (Разумеется, после уроков, как вы, конечно, догадались.) На необитаемом острове можно замечательно провести время с людоедами и дикими зверями. Но главное — вовремя вернуться домой.



Третий четверг — Царевна Несмеяна

Это очень трудный день для тех, кто не любит смеяться. Им показывают пальчик, водят в комнату смеха, рассказывают смешные анекдоты. И даже щекочут! А если они всё равно не улыбаются, то на них машут рукой и вешают зелёную ленту с надписью «Царевна Несмеяна». И потом продолжают веселиться уже без них.



Колино воскресенье

Жанна СКОБЕЛЕВА



Чтобы хорошо и с пользой провести выходной день, к нему надо готовиться заранее. Коля Кокин так и сделал. Ещё в понедельник он обещал маме, что поможет ей в воскресенье сделать уборку в квартире.

Во вторник Коля договорился с Петей Трохиным удрать в воскресенье на стройку: там никого не будет и будет интересно.

В среду позвонила бабушка, и Коля сказал, что в воскресенье к ней обязательно приедет.

В четверг пришёл в гости дядя Вова, и Коля тут же согласился в воскресенье пойти с ним на рыбалку.

В пятницу приезжала тётя Вика и долго рассказывала, какая у них на даче удивительная клубника, после чего Коля решил непременно побывать на даче у тёти Вики в воскресенье.

В субботу Павлик предложил Коле пойти завтра с ним в зоопарк — смотреть крокодила, от чего Коля никак не мог отказаться.

А когда наступило воскресенье, Коля весь день пробыл дома, потому что не мог вспомнить, что же ему нужно было сделать и где быть. И даже маме не помог, потому что тоже забыл. А мама не напоминала, только посматривала на Колю с укоризной. И тётя Вика на дачу не поехала, и дядя Вова на рыбалку не пошёл, и бабушка весь день просидела дома — все ждали Колю. И Павлик на крокодила не ходил смотреть, и Пете Трохину весь день было неинтересно, потому что он без Коли на стройку не пошёл.

А вечером Коля вспомнил, сколько людей он подвёл, и ему стало стыдно. Поэтому он решил к следующему выходному готовиться заранее и тут же пообещал маме, что в воскресенье обязательно поможет ей сделать уборку в квартире...

Рис. А. СЕМЁНОВА



благодарит за оказанную помощь в выпуске этого номера.



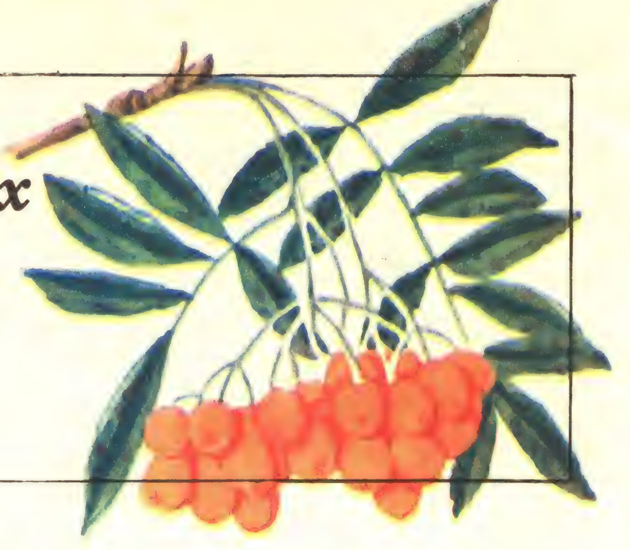
МИС

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ СТРОИТЕЛЬСТВА

ЕСЛИ ТЫ СОЕДИНИШЬ ВСЕ БУКВЫ В ЖЁЛТЫХ КЛЕТКАХ, ТО УЗНАЕШЬ, КАК ЗОВУТ ЭТО ЧУДОВИЩЕ



Из старинных детских журналов



А. СТАРОСТИН

***В**се вы наверняка слышали, а может, и сами пели прекрасные русские песни «Степь да степь кругом» и «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина». Вы скорее всего думаете, что слова придумал сам народ. И будете правы, но не совсем. Стихотворения «В степи» и «Рябина» написал Иван Захарович Суриков. Но у него было: «Что шумишь, качаясь, тонкая рябина?» Пожалуй, это точнее. В самом деле, разве можно назвать стоящим то, что качается? И ещё. Народ поёт: «Там в степи глухой замерзал ямщик». У Сурикова — «умирал ямщик». И опять же поэт был прав. Не мог замерзать ямщик, когда рядом товарищ, к которому он обращается с последними пожеланиями. Товарищ разложил бы костёр. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Так привилось, так поют. И вы пойте, как в песне.*

Замечательный наш поэт Суриков до десяти лет не знал грамоты. Потом его учили читать две соседки-монашки. Они предлагали ему читать нараспев. И Суриков, даже став известным поэтом, свои стихи пел. А подписывал их так: «Крестьянин И. З. Суриков». Может быть, поэтому многие его стихи превратились в народные песни, а многие положены на музыку.

Стихотворение «Детство» вы, конечно, слышали и запомнили первые строчки. Но полностью вряд ли вы его прочли, так как во всех хрестоматиях его дают в усечённом виде. Вы, наверное, обратили внимание, что на нашей поэтической страничке все произведения даются полностью. Вот и «Детство» печатаем полностью.

ДЕТСТВО

**Вот моя деревня.
Вот мой дом родной.
Вот качусь я в санках
По горе крутой,**

**Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.**

**И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.**

**Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!**

**Но меж тем уж село
Солнышко давно,
Поднялася вьюга,
На небе темно.**

**Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь,
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.**

**Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой,
Заберёшься на печь
К бабушке седой.**

**И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом:**

Только слышишь — воёт
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт,
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца,
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить,
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку,—
Сердце так и мрёт,
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.



Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт,
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит,
В этой клетке птица
Точно жар горит,

Прыгает в той клетке,
Весело поёт,
Ярким чудным светом
Сад весь обдаёт.



Вот я к ней подкрался
И за клетку — хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон,
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит,
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

ТАЙНА РЫЖЕГО КОТА

● *Сергей ТАСК* ●

РОМАН-ДЕТЕКТИВ ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТ 7 ДО 107

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, В КОТОРОЙ ОТ ВСЯКОЙ НЕЧИСТИ МОЖЕТ ПОТЕМНЕТЬ В ГЛАЗАХ

Четверо приятелей — Дэвид, Фикс, Йонинг и Павлушка — свернули за угол.

— Он едет за нами! — испуганно сказал Дэвид.

Мальчик имел в виду двухэтажный омнибус, который появился неизвестно откуда и следовал за ними. Шофёр был тощий и лупоглазый — вылитый червяк. Друзья остановились. Остановился и омнибус. Задняя дверь открылась.

— Ньюкасл,— прочёл Дэвид на боку машины.— Садимся!

Шофёр — проклятый червяк! — гнал омнибус прямо к цели... только вот цель у него была — тоже шиворот-навыворот — увезти наших героев, стремившихся в Ньюкасл, подальше от этого старинного замка.

— Остановитесь! — закричал Дэвид.

Павлин как-то подозрительно приглядывался к водителю, а тут вдруг взял да и проглотил его целиком! Червяк он и есть червяк. Сев на шофёрское место, Павлуша развернул омнибус и погнал машину в сторону замка.

Вскоре он уже всем им по коридорам Ньюкасла безошибочно открывал нужные двери. Что бы они без него делали! Вдруг оглушительно загрохотал гром. Каменный свод треснул. Сверху на них летело по жёлобу чугунное ядро. Они шмыгнули в какую-то дверь, а на месте, где они только что стояли, зияла круглая дыра!

Придя в себя, они осмотрелись. Это была кухня. Живые рыбы, словно резвясь, шлепались на раскалённую плиту





то одним боком, то другим. Вероятно, состязались, кто скорее подрумянится. Потом какая-нибудь смышлёная рыбёшка спохватывалась, что дело пахнет жареным, и быстро ныряла в котёл — с солёненькой и перчёненькой водичкой, с лавровым листом, с морковочкой и кружками репчатого лука.

Всем дирижировал повар. Одет он был со вкусом... точнее — вкусно. Жилет — из урюка, штаны — из свиных отбивных, вместо шляпы — каравай, на ногах — два бобовых стручка. А дирижёрскую палочку ему заменяла обглоданная куриная косточка.

— Проходите, проходите,— заторопил их повар, вдохновенно размахивая дирижёрской ножкой.— Вы попали на первое исполнение «Большого рыбного концерта в до диез обжоре».

Прошу,— и повар протянул доктору в ковшике мелкую рыбёшку. Доктор раскрыл рот — раскрыл рот и ёрш. От изумления доктор выпучил глаза — ёрш тоже попался пучеглазый.

— Что-то расхотелось,— пробормотал Йонинг.

— Как знаете,— повар бросил ерша обратно в котёл.— У меня музыка наваристая, это вам любой скажет. В своём деле Сквош понимает толк.

— Сквош? Вы сказали — Сквош? — заволновался детектив.— Так это вы, сэр? Не может быть!

— Сквош, эсквайр,— повар слегка поклонился.

Всегда невозмутимый Фикс бросился повару на шею.

— А я вас ищу! Полицию на ноги поднял! — Сыщик повернулся к своим друзьям.— Это же Сквош! Изобретатель тыквенной каши! Певец пончиков! Король ухи!

Наконец Фикс ослабил объятия, и повар получил возможность перевести дух. Он взмахнул обглоданной косточкой — и из буфета вылетели четыре тарелки с тыквенной кашей. Все набросились на угощение.

— Эта каша не простая,— приговаривал Сквош.— Захотите — в тыкву превратитесь, захотите — снова людьми станете. Горе мыкать — тыкву тыкать,— закончил он загадочно.

— А вы не поможете нам... разыскать... Бьюти и Кэнди? — с полным ртом спросил Дэвид.

У повара в левой руке появилось блюдце с паштетом, а из куриной косточки полезло сливочное масло. Сквош нарисовал три шестёрки.

— Это код,— объяснил он.— Зная его, Бьюти сумеет открыть дверь.

Дэвид пошарил в карманах и вытащил клешню лобстера. Никто не понял, зачем он воткнул в паштет розоватую клешню. Через мгновение специальный подъёмник доставил блюдце в комнату Бьюти.

Бьюти сразу всё поняла. Могла ли она забыть тот ужин? И недоваренных лобстеров, расползавшихся во все стороны? Клешня... это значит, что Дэвид и его друзья в замке! Они хотят вызволить её! Бьюти обратила внимание на три девятки, украшавшие горку паштета. Шифр? Набрав нужный код, Бьюти нажала на дверь — ничего. А если три шестёрки? Ура! Но обниматься со своими избавителями было некогда, предстояло спасать Кэнди. Дверь её комнаты нашёл — и открыл клювом — павлин. В комнате как будто никого не было... и кто-то был. Скрипнула половица. Подпрыгнула скакалка. Детский голос запел:

Я — чудо-каракатица,
Могу я носом пятиться
И почесать свой бок
Любой из сотни ног.

В комнате захихикали, и, надо сказать, препротивно. Нет, это, конечно, была не Кэнди. Друзья устремились дальше по тёмному коридору. Вокруг раздавались шуршащие и чавкающие звуки. Доктор в ужасе смахнул на пол что-то рыхлое и скользкое, как студень. Вскрикнула Бьюти: под ногами у неё прошмыгнула мышь. Фикс запутался в мерзкой паутине.

— Не пугайтесь! — сказал Дэвид.— Это же аномальные явления... обман зрения. Нам всё это только кажется... Ой, Афрозина!

Перед ними открылось ярко освещённое фойе, где прогуливались между заседаниями участники симпозиума — лжеакадемики каких-то тёмных наук и ведьмы в роскошных платьях. Озорница Афрозина дунула красавцу чёрту на шевелюру, и та, как одуванчик, разлетелась. Гостей обносил напитками юный злодей-практикант в чёрных очках. В бокалах пузырилась и полыхала огнём подозрительная жидкость.

— Наконец-то! — Злодей направился к нашим героям, на ходу надевая розовые очки поверх чёрных.— Мистер Бэрр вас давно ждёт! Виски с содовой? Кола с пепсиком?..

Фикс с Йонингом переглянулись. Бэрр их ждёт? Неужели раскрыл их планы? Они взяли с подноса бокалы и, зажмурясь, выпили. Усы у Фикса сразу задвигались как живые. Злодей-практикант ласково посмотрел на сыщика сквозь розовые очки и сказал:

— Я проведу вас в ложу для почётных гостей. Оттуда вы увидите всех, а вас — никто. Прошу...— Он открыл потайную дверцу и пропустил вперёд Бьюти, Йонинга, Дэвида, павлина.— А вы, сэр?

— Перед докладом надо промочить

горло,— сказал Фикс.— Вы мне не составите компанию?

— Для меня это большая честь, сэр.

После третьего бокала сыщик вынул из кармана золотые наручники. Юный злодей не сводил с них зачарованного взгляда.

— Вам они пойдут,— сказал Фикс,— у вас тонкие запястья. Ну-ка, позвольте мне...— Он ловко защёлкнул на вытянутых руках злодея золотые браслеты, снял висевший у него на цепочке ключ и направился в конференц-зал. В темноте он сел на свободный стул и спросил у своей соседки:

— Я не пропустил ничего интересного?

— Главные сюрпризы впереди,— нежно посмотрела на него... Афрозина.— Для вас, милейший, я сделаю невозможное.

Фикс не растерялся:

— Может быть, вы скажете, что способны распилить человека?

Ведьма презрительно фыркнула.

— Или показать мне то, чего нет?

— Тоннель номер три, седьмая дверь налево. Правда, я сомневаюсь, что вы её разглядите без очков,— ведьма беззлобно засмеялась.

Тут председатель — бородатый козёл с колокольчиком — объявил доклад Бэрра. На сцене, рядом с великим магистром, стояла Кэнди.

— Дамы и господа! Закончена серия лженаучных экспериментов. Это прелестное дитя молчало много лет. Сейчас я расколдую её, чтобы она сказала, как она любит дядюшку Бэрра.

В зале послышались смешки — шутку оценили.

— Мне нужен ассистент. Есть желающие?

На сцену впрыгнул большой рыжий кот. По знаку магистра он запустил девочку в чёрный ящик и запер дверцу.

— Мрак! — скомандовал Бэрр. В темноте он забормотал:

Где золото я помогу
Сменять на серебро
Той, что сидит и ни гугу...

— БЕЗ ЖВАЧКИ И СИТРО! — неожиданно выкрикнул Дэвид. И тут же со сцены донёсся детский возглас: «Мама!» Кэнди обрела голос.

— Свет! — в ярости завопил маг.

Но, когда зажёгся свет, ни Кэнди, ни кота на сцене уже не было. И ложа для почётных гостей была пуста. Павлин уводил беглецов сложными лабиринтами. Вокруг плясала всякая нечисть. Вдруг каменный свод начал медленно опускаться... нервы у Фикса сдали, и он потерял сознание. Очнулся он от прикосновения легкой женской руки. Рядом Дэвид с Йонингом по очереди надевали разные очки, а Павлуша кружил вокруг них, приводя в восхищение Кэнди.

— В розовых очках вся нечисть пропадает! — горячился Дэвид.— А если надеть чёрные очки, невидимый мир становится видимым! Я пока не знаю, как это проверить, но...

— Третий тоннель, седьмая дверь налево,— слабым голосом подсказал сыщик.— Откроете вот этим,— он протянул ключ, взятый у злодея-практиканта.— Бегите!.. Слышите погоню?

За ними действительно кто-то гнался, как вдруг, словно из-под земли, вырос Сквош:

— Повторяйте за мной... «горе мыкать — тыкву тыкать». Скорее!

Все пробормотали загадочные слова, и, когда вихрем налетел Бэрр, он увидел лишь повара с Павлушей да пять тыкв — три большие и две маленькие. Маг помчался дальше. Угроза миновала. Сквош ткнул пальцем в одну тыкву — вот и Фикс, в другую — появилась Кэнди. Один только доктор не желал принимать человеческого облика. Заснул! Пришлось сыщику взять его под мышку...

Окончание в следующем номере

Рис. В. КАНЕВСКОГО





Рис. А. МАКСИМОВА

Для астрологов новый год начинается 21 марта, когда Солнце входит в зодиакальный знак Овена. Овен и следующие за ним Телец и Близнецы — первые в зодиаке. Это как бы утро астрологического года. А что бывает по утрам? Звонит будильник, и мы вскакиваем с постели, ещё толком не проснувшись, но уже имея цель: куда-то не опоздать, что-то сделать... Так проявляется Овен, для которого главное — идея и действие. Потом, пока мы завтракаем, одеваемся, собираемся в дорогу, глядимся в зеркало, работает знак Тельца, который любит вещи, красоту, комфорт и домашние пироги. А потом, окончательно проснувшись, мы пускаемся в путь, чтобы что-то узнать, встретить знакомых, обменяться новостями. Это включается знак Близнецов, лёгких на подъём.

Овену ничего не стоит придумать что-нибудь головокружительное: слетать, например, в созвездие Льва. Но, заморочив всем вокруг головы своей идеей, он возьмёт и засядет изобретать машину времени. Так что строить ракету будет Телец — не спеша, основательно, красиво. И в такой ракете захочется жить, а не то что летать в космос. А Близнецы расскажут об этом своим бесчисленным знакомым и даже напишут статью в газету.

КТО ТАКИЕ

Овен, Телец, Близнецы

(21 марта — 20 апреля) (21 апреля — 20 мая) (21 мая — 21 июня)



Личный астролог Мурзилки — Наталия ЕРМИЛЬЧЕНКО

ВОРОБЬИ

Сергей ГЕОРГИЕВ



На тропинке нашли воробьи горсть хлебных крошек.

Самый храбрый воробей выкатил грудь колесом и громко зачирикал:

— Это наши крошки, чик-чирик! Это наши крошки! Кто посмеет подойти, чик-чирик, тот будет иметь дело со мной, чик-чирик!

Самый осторожный воробей порхал над тропинкой, так и эдак приглядываясь к крошкам, и приговаривал:

— Всё ли здесь так, чик-чирик! Нет ли ловушки, чик-чирик? Очень подозрительно, чик-чирик!

Самый умный воробей молчал. Ему некогда было разговаривать.

Наконец самый осторожный воробей устал порхать над тропинкой и сомневаться. Он обратился к самому умному воробью:

— Ты же у нас самый умный, чик-чирик! Не молчи же, чик-чирик! Скажи что-нибудь!

— Про наши крошки, чик-чирик! — добавил самый храбрый воробей.

Самый умный воробей клюнул ещё несколько раз, задумался и сказал:

— Это были очень вкусные крошки, чик-чирик!

Дальше полетели: два самых голодных воробья, один самый храбрый воробей, один самый осторожный воробей, один самый умный и ещё один самый сытый воробей.

Сколько всего было воробьёв?

Рис. А. ХОМЯКОВА

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал 70553 (индекс издания)

„Мурзилка" (наименование издания)

Количество комплектов:

на 19____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ________ (почтовый индекс) ________ (адрес)

Кому ________ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер на газету / журнал 70553 (индекс издания)

„Мурзилка" (наименование издания)

Стоимость	подписки	____руб.____коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	____руб.____коп.	

на 19____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ________ (почтовый индекс) ________ (адрес)

Кому ________ (фамилия, инициалы)

ВНИМАНИЕ!

ПОДПИСКА! ПОДПИСКА! ПОДПИСКА!

Дорогие мамы и папы! Дедушки и бабушки!

Верные мои подписчики! Этот номер оказался последним, на который хватило тех денег, что вы заплатили за «Мурзилку» на 1992 год. Что дальше? В мае новая подписка по новым ценам на второе полугодие этого года. Подписавшись на журнал, вы будете получать его с июля месяца.

Спасибо всем, кто сумеет выделить из семейного бюджета деньги на «Мурзилку». А если нет? Что тогда? Одна учительница подсказала в письме такой выход: «Мы собираемся выписать десять журналов на класс. Вместе это нам под силу». Молодцы! Не хотят со мной расстаться. А если ещё найдутся родители — спонсоры «Мурзилки»,— уж точно не сдадимся.

Привет, друзья! Ваш Мурзилка.

№ 608473, Тихвинское отделение Мосбизнесбанка, МФО 201553, код банка Д-9, ОПЕРУ-4

ЭТО НОМЕР НАШЕГО СЧЕТА ДЛЯ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ — СПОНСОРОВ.

СПАСИБО!



ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

КАК ПЕТЯ ФОТОГРАФИРОВАЛ



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАН-
НЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

УЧРЕДИТЕЛИ:
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА
«МУРЗИЛКА»,
АО «МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»,
ЦС СПО (ФДО)

АО
«Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Сущёвская, 21

Сдано в набор 10.03.92.
Подписано в печать 23.03.92.
Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 2.
Печать офсетная.
Усл. кр.-отт. 13,44.
Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 4,1.
Тираж 2 595 000 экз.
Заказ 2015.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81

Макет
Н. ХОЛЕНДРО
Рисунок на обложке
С. ДЕНИСОВА


30
Сделай сам
вой
Этого забавного всадника вы можете сделать так же, как делали фигурки в предыдущих номерах. Все они могут стать артистами вашего небольшого настольного театра.
7.
5.
6.
4.
2.
3.
1.
1.
2.
6.
3
4.
5.
7.
Рубрику ведёт Валерий Дмитрюк